Кацуки чувствовал себя как кастрюля с кипящей водой с зажатой крышкой. Он

чувствовал взгляд Деку, куда бы он ни пошел, в столовой, в коридорах, даже когда проверял свой телефон в ванной. Ругань давалась ему легко, как способ Кацуки

показать миру, что он имеет в виду гребаный бизнес. Теперь, каждый раз, когда он начинал один, толчок страха держал его язык. Даже дома, даже когда он был

заперт в своей комнате, даже когда Деку не мог его подслушать, он не мог заставить себя ругаться. Он знал, что ведет себя глупо. Он знал, что слаб, но если бы

все, что потребовалось, это одна клятва, чтобы стоить ему законного места героя номер один, он никогда больше не ругался бы до конца своей жизни, независимо от

того, насколько он чувствовал себя гребаным слабаком.

Итак, он сдержал свой гнев и подлизался к Каминари и Минете. Это было легче сказать, чем сделать. Сначала они оба смотрели на него как на бешеную собаку,

беспокойно поглядывая друг на друга, когда он просил сесть рядом с ними. Это было вполне естественно. Они были слишком слабы, чтобы справиться с ним. Итак, он

должен был перевернуться и показать этим жалким щенкам свой живот, вилять хвостом, улыбаться, вежливо спрашивать и играть кроткого, жалкого маленького

померанского шпица, каким Деку хотел, чтобы он был.

Потребовалось упомянуть, что он играл на барабанах, чтобы заставить Каминари открыться. Балбес увлекался рок-музыкой и хотел играть на бас-гитаре. Минета

вызвался стать вокалистом, истекая слюной из-за всех цыпочек, которых он забивал, когда они создавали группу. Кацуки понадобилась вся дисциплина, чтобы не

задушить его тут же.

Шли дни, и Каминари и Минета постепенно сближались с ним. Кацуки терпел их дискуссии о девушках, музыке и видеоиграх, притворяясь помолвленным. Это было

несложно. Его слух к барабанам привел его к нескольким рок-группам, и всегда было весело сокрушать виртуальных злодеев в видеоигре, но праздный разговор

заставлял его чувствовать, что он тратит время впустую, когда вместо этого он мог бы прочитать учебники или разбить тренировочный манекен в одном из

тренажерных залов.

Как будто ему было недостаточно подлизываться к низшим качествам героя, он должен был наблюдать, как Деку окружает себя половиной класса, как будто

доказывая Кацуки, что он может превзойти его и в столовой. Каждый день рядом с ним сидел кто-то другой, он жестикулировал руками со знаками, заставлял

Енотовых Глаз опираться на его плечо, чтобы посмотреть на заметки своего героя, обменивался выпечкой с Губами или просто сидел в тишине с человеческим

термостатом. Стол Деку был центром комнаты, а остальные студенты-герои вращались вокруг него, в то время как Кацуки был посреди гребаного ниоткуда, прямо

рядом с бесполезными студентами и их жуткими, бормочущими деловыми близнецами.

Следуя инструкциям Изуку, Кацуки спросил двух своих неохотных товарищей, не хотят ли они попасть в аркады. Их колебания исчезли в тот момент, когда он

взмахнул хрустящей банкнотой Изуку в 5 иен перед их лицами. На следующий день они оба подтвердили, что с их родителями все в порядке.

Кацуки отвел их в аркаду на другом конце города. Меньше всего он хотел столкнуться со своими старыми одноклассниками. Он слышал, что это место дороже, но

оно того стоит. Проходя мимо ряда за рядом аркадных шкафов, которые выглядели такими же свежими, как когда они скатились с заводского цеха, он неохотно

согласился, что это лучше, чем его старое пристанище.

Каминари взял на себя инициативу, направив их к стрелку на рельсах, где было место для четверых. Издевательства держали в заложниках заткнутых кляпом мирных

жителей, когда они пробирались этаж за этажом, стреляя пламенем, перьями и джинсовыми прядями в явную дань уважения главным героям. У Каминари была

ужасная цель, он поджаривал столько же мирных жителей, сколько и злодеев, а Минета был слишком коротким, чтобы дотянуться до консоли, в результате чего он

стрелял перьями в верхнюю часть экрана. Кацуки приходилось работать сверхурочно, швыряя джинсовую ткань налево и направо, чтобы злодеи комично забивались

собственной одеждой.

Чудом они добрались до финальной битвы с боссом на крыше. Мускулистый, механический глаз смотрел на них, мышцы выпирали из его кожи, смеялся над ними,

когда он топал по экрану. Невзрачные павшие герои засоряли сцену, вбивались в стены или оставлялись лежать на полу. Они должны были нацеливаться на

выпуклости на его руках и ногах, мешая ему наносить удары и смягчая его до тех пор, пока его глаз не был открыт. После нескольких выстрелов в глаз он

возвращался к охране, ополаскивал и повторял, пока не падал на пол.

— Черт возьми, да! — закричал Каминари. — Вот о чем я говорю!

С мишенью размером в половину экрана Каминари все же нашел способ поджарить героев на заднем плане. Минета, по крайней мере, доказал свою ценность,

остановив удары над головой и попав в глаз, но Кацуки едва блокировал удары самостоятельно. Как бы он ни испытывал искушение указать, насколько они

бесполезны, Кацуки не мог рисковать тем, что Деку обидится на то, что заказанная поездка в аркаду будет прервана.

Следующим, что привлекло их внимание, был файтинг для двух игроков. Минета откланялся, воспользовавшись возможностью, чтобы поглазеть на девушку,

склонившуюся над автоматом для игры в пинбол, в то время как Кацуки и Каминари выбирали персонажей. Кацуки пошел за Индевором, но Каминари опередил его.

«Извини, чувак, он мой главный».

Всемогущий можно было выбрать, но единственное правило любого файтинга заключалось в том, чтобы никогда не выбирать Всемогущего. Будь то Street Heroes или

Hero Brawl, Всемогущий всегда был персонажем OP, отражая каждый удар и нанося удары, как восемнадцатиколесный автомобиль в ответ, двигаясь слишком быстро

для тяжелого удара. У «Хоукс» всегда был ужасный матч против огня, поэтому вместо этого Кацуки остановился на «Бест Джинист».

Каминари быстро повел в счете, поджарив Кацуки дальним шквалом, но как только Кацуки освоил управление, он прорвался через отверстие и нанес карающее

комбо. Не ослабляя давления, Кацуки прижал персонажа Каминари к стене, пока его полоса здоровья не опустела.

«Ой, я думал, что ты у меня есть!» — пожаловался Каминари, вливая в машину все больше денег. — Эй, Минета, ты встала.

Не желая изучать другую схему управления, Кацуки остановился на Best Jeanist, в то время как Минета пошел с Мирко. Удивительно компетентный в игре, Минета

прыгнул за Кацуки и нанес мощный удар, сбив Беста Джиниста в стопку ящиков. С тех пор это была бойня, так как Минета нанизывал комбо за комбо, в то время как

Кацуки изо всех сил пытался попасть в цель.

Вся битва оставила Кацуки в приступе апоплексической ярости. Минета ухмыльнулся Кацуки, но его головокружение испарилось перед огнем в глазах Кацуки. В

панике взглянув на Каминари, Минета сглотнул и сказал: «Э-э, хорошая игра, Кацуки. Ты молодец!»

— Черт возьми, — огрызнулся Кацуки. В любой другой раз он показал бы Минете свое место, но не смог, даже когда Деку услышал об этом. Глубоко вздохнув, Кацуки

сказал: «Надери Каминари, чтобы мы могли перейти к чему-то другому».

Каминари был полностью избит, а Мирко ухмылялся под безупречным скриншотом победы, одной ногой на груди Индевора, когда тот лежал без сознания на улице.

Следующей игрой, которая привлекла их внимание, была танцевальная площадка, на этот раз вмещающая четверых. Минета выступал за песню с грудастыми

девушками, танцующими на заднем плане, но Кацуки быстро наложил на него вето, согласившись на песню на тему героя. В очередной раз судьба оставила его с

безупречно стилизованным Best Jeanist, танцующим с бездушным взглядом. Каминари, к его радости, заставил Индевора вытаращить глаза, когда он сделал два шага,

в то время как Минета нахмурился, глядя на Эджшота, сгибающегося во время его вертения.

И снова Минета показал себя лучше, чем он имел право быть, практически прыгая между каждой кнопкой на полу, но на этот раз Кацуки выложился так хорошо, как

мог, соответствуя меньшему подростку шаг за шагом. Каминари, тем временем, безнадежно остался позади, толпа освистала, когда вокруг Индевора вспыхнули

красные огни. Не прошло и половины песни, как он закончил игру на экране.

Когда танец подошел к концу, глаза Минеты метнулись между двумя партитурами. Быстро подсчитав свои шансы выжить в очередной победе, Минета проделал

последние несколько шагов, снизив свой счет ровно настолько, чтобы Кацуки вырвался вперед. Заметив намеренную возню, Кацуки засиял, когда экран объявил о

его победе, а Лучший джинист чопорно поклонился невидимой аудитории.

— В следующий раз, — прорычал Кацуки, — не сдерживайся. Есть? Я не собираюсь одерживать какую-то неудачную победу».

— Э-э, конечно, понял, — поспешно сказал Минета, и пот стекал по его лицу.

Когда они возвращались в аркаду, взгляд Каминари привлекла установка Rock Hero. Он потащил Кацуки и Минету, взяв на себя бас, в то время как Минета зачерпнул

микрофон. Кацуки устроился в кресле барабанщика и экспериментально перевернул легкие пластиковые палочки. Они были прикреплены к остальной части набора

проводами, но он мог достаточно хорошо отстукивать ритм.

Как и ожидалось, Минета выбрала песню из известной женской группы, но Каминари и Кацуки оба сняли более легкую поп-песню. Каминари направил их к хардроковой песне более высокой сложности. Несколько раз кивнув головой в такт, Кацуки отбарабанил свою партию, пропустив случайное постукивание, когда провода

запутались, но быстро освоился.

Каминари с легкостью справлялся с неловкими аппликатурами и быстрым бренчанием, не уронив ни одной ноты, когда он застрял на дешевом пластиковом

контроллере. Минета, когда он пел через нужные промежутки времени, чтобы забить в игре, обладал голосом, который заставлял гвозди на доске звучать как

оркестровая симфония. Его голос визжал и стонал, как пила, разрезающая железную глыбу пополам. Половое созревание явно ударило его голосовой аппарат по

яйцам, но по тому, как он подмигнул двум проходящим мимо девушкам, он понятия не имел, насколько он ужасен.

С их высоким счетом игра предложила им бис. Кацуки схватил Минету за загривок и шлепнул его перед гитарой, недвусмысленно сказав ему, что если он когданибудь снова попытается петь в его присутствии, он лично позаботится о том, чтобы яйца ниже его талии были того же цвета, что и у него для волос. и добавил, что

это может поднять его высоту звука достаточно высоко, чтобы его было не слышно человеческому уху. Соответственно приглушенный, Минета бренчал на гитаре, в

то время как компьютер взял на себя вокал. Пальцы Минеты были слишком короткими для более сложных аппликатур, но они смогли хромать до второго финиша

песни.

Тщательно разыгравшись, Каминари и Минета перешли к билетным играм, бездумно нажимая кнопки и дергая за рычаги, чтобы выжать билеты из автоматов. Кацуки

подошел к лыжному мячу. Годы практики позволили ему забить все, кроме одного, мяча в самую высокую точку мишени в верхнем левом углу. Через несколько

пригоршней билетов у Каминари была временная татуировка «Индевор», у Минеты было кровотечение из носа, и она сжимала мини-куклу Midnight, включая декольте

и скудный костюм, а у Кацуки была пачка конфет, которую он грыз во время ночной учебы.

Одни только игры выжали у Деку 5 иен, и они даже не получили еду, не то чтобы Кацуки жаловался. Он скорее раскошелится на весь свой кошелек, чем будет

пресмыкаться у ног Деку, чтобы получить больше денег на расходы. В аркаде была обеденная зона в стороне, украшенная атрибутикой героев от самых горячих новых

героев. Полноразмерная копия костюма Всемогущего висела за стеклом в одном углу вместе с подписанной фотографией Хоукса с его напарником в рамке, парой

джинсов с автографом Best Jeanist и коробкой любимого моющего средства Уоша.

В меню были представлены жирные блюда всех видов, от такояки и карарге до творога и картофеля фри. Минета и Каминари спорили о том, что взять, но как только

Кацуки надоело слушать их ссоры, он заказал им всем пиццу.

Они получили стол с хорошим видом на телевизор и, к радости Минеты, стол с четырьмя цыплятами достаточно далеко, чтобы не заметить, как он жутко смотрит на

их грудь. Каминари завел разговор о том, какие песни они будут играть, если соберут группу. Минета полуслушал, выбрасывая апатичные комментарии, не сводя глаз

с другого стола.

Когда пицца наконец прибыла, Кацуки пожалел, что не пришел раньше. От пиццы доносился сырный, жирный аромат, смешанный с ароматом орегано и фенхеля в

колбасе. Он потянул кусочек к себе, улыбаясь в знак признательности толстым, липким прядям сыра, которые растянулись, когда он приблизил ломтик ко рту.

Корочка была тонкая и хрустящая, соус острый, сыр божественный. Даже Минета очнулся от своих извращенных мыслей, остановившись, чтобы набить лицо пиццей,

прежде чем обернуться.

В конце концов девочки заметили, что Минета подглядывает, хотя им понадобилось полпиццы, чтобы отругать Минету, было за пределами Кацуки. Он наблюдал за

тем, как разворачивается проблема, сначала испуганно взглянув на Минету, а затем тихо прошептал расстроенный и достаточно сердитый, чтобы достичь ушей

Кацуки. Наконец, одна из девушек встала с напитком в руке, подошла к их столику и возвышалась над Минетой. Ее ногти блестели серебряными пятнами, хотя можно

было только догадываться, был ли это лак для ногтей или причуда.

— Извините, — сказала она отрывистым голосом. «Но смотреть грубо. Пожалуйста, остановись».

Минета ухмыльнулся, к большому внутреннему раздражению Кацуки. «Извини, но я ничего не мог с собой поделать, когда у тебя такая хорошая стойка».

Кацуки закатил глаза, внутренне ругаясь. Судя по хмурому взгляду и смущенному румянцу на лице девушки, этот комментарий не произвел на девушку ожидаемого

эффекта. Она поднялась еще выше, используя каждый дюйм своих каблуков, чтобы посмотреть на Минету. «Ты такой извращенец. Оставь нас в покое, пока я не

сказал менеджеру»

Улыбка Минеты дрогнула, но, несмотря на то, что он уже достиг дна, он был полон решимости копнуть себя еще глубже. «Эй, не будь таким». Он сжал один из шаров

на голове и сказал: «Почему бы тебе не сесть рядом со мной? Я позволю тебе прикоснуться к моим яйцам.

Глаз девушки взволнованно дернулся. Она опрокинула свой напиток на голову Минеты, пролив его на его выпуклые волосы. Жидкость стекала, не оставляя ни капли

на голове Минеты, а брызгая на его рубашку и стол. «Вот что я думаю о твоих глупых маленьких шариках. Я бы не подошел к тебе, если бы ты был последним

мальчиком на земле». Она язвительно рассмеялась и сказала: «Попробуй еще раз, когда ты вырастешь на два фута и не будешь выглядеть так, как будто кто-то

воткнул воздушные шары в клоуна. Теперь, если вы меня извините, я найду менеджера.

Не желая иметь дело с менеджером или, что еще хуже, закончить тем, что Минету исключили за сексуальные домогательства, Кацуки быстро встал. «Извините моего

идиота друга, он действительно в отчаянии из-за того, как он выглядит. Оставьте менеджера в стороне, и я позабочусь о том, чтобы он больше не беспокоил вас.

Минета уставилась на него с открытым ртом, чередуя гнев и беспокойство от зловещего тона

Кацуки. Девушка усмехнулась ему. «О, пожалуйста, бьюсь об заклад,

ты тоже проверял нас, извращенец».

Гнев закипел в жилах Кацуки. Как бы ни было заманчиво назвать ее сукой, угроза Деку удержала его. Он почувствовал, что окно для возвращения закрывается, и в

момент отчаяния сказал: «Нет, я не впечатлен. В моем классе намного лучше, и она гораздо меньше стесняется скрывать то, что у нее есть. Наверное, потому, что

ей не нужно носить бюстгальтер с мягкой подкладкой».

Каминари захохотал, когда девушка запыхалась и уставилась на него. Его вспышка даже вызвала переполох за столом девочек. «О да?» — сказала девушка,

пробормотав: «Ну, держу пари, что она устраивает такое шоу, потому что она шлюха».

Кацуки пожал плечами. «Ну и что, что она есть? Не то чтобы меня это волновало».

В этот момент девушка крутила колеса, но была полна решимости не сдавать позиции. «И — и держу пари, что даже тогда она не подпустит такого грязного

засранца, как ты, к себе. Где ты взял эту одежду, Walmart?

Собственная одежда девушки казалась дорогой, если судить по безвкусному дизайну. Кацуки тайком засунул палец в один из кусочков пиццы, обмазав палец

ложкой соуса для пиццы. «По крайней мере, я не вытаскиваю свой из мусорного контейнера обратно».

Девушка ахнула, и ее лицо приобрело еще более глубокий оттенок багряного. «Я хочу, чтобы вы знали, что эта рубашка - топ линии Увабами и стоит более двадцати

тысяч иен. Бьюсь об заклад, это стоит больше, чем весь ваш гардероб.

Кацуки швырнула соус, продолжая рассказывать о том, насколько ценна ее рубашка. Ложка приземлилась чуть выше ее талии, и она этого не заметила. Каминари

закусил губу, подавляя очередной приступ смеха после того, как увидел, что сделал Кацуки.

— Неужели? — спросил Кацуки, когда девушка наконец закончила. «Я подумал, что это дешевая рубашка, так как на ней весь соус. Молодец».

Глаза девушки расширились, когда она посмотрела вниз, наконец заметив кусочек соуса. Она сжала руку, и ее ногти заметно стали длиннее и острее.

«Ты сделал это, не так ли?» — спросила она, поднося рубашку к свету. Минета наклонилась, пытаясь заглянуть под рубашку. Чтобы избежать дальнейших

неприятностей, Кацуки ударил его по лбу, заставив сидеть прямо.

«И тратить совершенно хороший соус для пиццы на кого-то вроде тебя?» — спросил Кацуки, вытирая палец о штаны. «Не мечтал бы об этом. Теперь я предлагаю вам

сразу же это убрать. Пятна от помидоров трудно вывести с одежды».

Глаза девушки метнулись между руками Кацуки, которые были жирными, но не испачканными соусом, и Минетой, которая потирала лоб там, где Кацуки щелкнул им.

Раздраженно вздохнув, девушка повернулась и зашагала в сторону ванной. Другие девушки вышли из-за стола и последовали за ней.

Как только девушки ушли, Каминари испустил смех, который он сдерживал. «Чувак, это было потрясающе! Способ показать ей, кто в доме хозяин!

Минета, с другой стороны, был недоволен таким поворотом событий. «Эй, почему тебе пришлось вмешаться? Я делал свои ходы!»

Кацуки навис над ним и изо всех сил хмурился: «Разозлей меня еще раз, и ты умрешь». «Эти девушки имели полное право позвать тебя, и я впечатлен, что у них

хватило смелости противостоять тебе по этому поводу. Если бы они не были такими снобами и не называли меня извращенцем, я бы, наверное, позволил вам попасть

в беду. Он, черт возьми, я бы им даже помог».

Кацуки очень надеялся, что Деку не считает это ругательством. А если и сделал, то какого черта он от него ожидал?

«Тем не менее, это было действительно круто», — сказал Каминари. «Я едва мог удержаться от смеха, пока она рассказывала о своей рубашке, когда на ней был

соус».

— Как бы то ни было. Давай закончим и уйдем отсюда, пока они не вернулись. Я не хочу, чтобы меня выгнали отсюда».

Каждый из них взял кусочек, запил его последней газировкой и направился к двери. Когда они уходили, Кацуки заметил девушек, выходящих из ванной. Тот, у кого

сверкали ногти, уставился на него, прежде чем отвернуться.

Было еще рано, и Кацуки волновался, что Деку обидится, если он отменит аркадную поездку раньше, поэтому, когда они наткнулись на парк и киоск с мороженым,

он предложил сесть на скамейку. Не желая отказываться от бесплатной еды, Минета и Каминари приняли взятку за мороженое. Они сидели со своими замороженными

угощениями и смотрели, как люди проходят мимо.

— Привет, Бакуго-сан, — сказал Каминари, доев мороженое. — Не возражаете, если я задам вам вопрос?

«Стреляйте».

— Почему ты начал с нами тусоваться?

Внимание Минеты было отвлечено от женщины, за которой он наблюдал. Кацуки

почувствовал, как у него опустился живот.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Кацуки, надеясь выиграть время и придумать лучший ответ, чем «Деку шантажировал меня, чтобы я тусовался с вами, двумя

неудачниками».

Каминари отвел взгляд и нервно почесал затылок. «Ну, первые пару дней в школе ты был, ну, как бы это сказать?»

— Мудак, — сказала Минета, готовясь к неминуемому гневу Кацуки.

Каминари съежился, но не стал противоречить словам Минеты. «Ну, вы ругались практически на всех, называли нас всех «статистами» и пытались убить первого

студента, с которым боролись. Ну, я так думаю, во всяком случае? Не совсем уверен, что там произошло. Затем, однажды, это все... Не знаю, уехал? Не то чтобы вы

были совершенно другим человеком, просто... разные». Каминари вздохнул и выбросил мокрую обертку от мороженого в мусор. «Я не знаю, это просто странно. Я

думаю, что я говорю о том, что я не знаю, что происходит в твоей голове или почему ты тусуешься с нами. Я имею в виду, не поймите меня неправильно, я рад, что

вы пригласили нас на свидание, и я прекрасно провел время, я просто хочу знать, почему».

Он не мог сказать им правду и сомневался, что откровенная ложь выдержит. Пока Каминари изо всех сил пытался собраться с мыслями, Кацуки собрал воедино

именно то, что он мог им сказать. — У меня есть несколько советов, — осторожно сказал Кацуки, — о том, как я мог бы стать лучшим героем. Они предложили мне

найти кого-нибудь, с кем можно было бы пообщаться, и, ну, они предложили вас двоих.

Кацуки съежился от собственных слов и ждал их реакции. Каминари моргнул, ошеломленный ответом, и посмотрел вниз на мощеную дорожку. — Ну, — сказал он с

нервным смешком. «Я не знаю, чего я ожидал, но это определенно было не так».

— Ага! — закричала Минета. «Вы использовали нас!»

Кацуки съежился и почувствовал, как его кровь закипела от его реакции. Он не виноват в том, что Деку заставлял его это делать. Какого черта они от него хотели?

Каминари глубоко вздохнул. «Ну, я имею в виду, я думаю, что я не возражаю. Вы только что угостили нас аркадами, обедом и мороженым. И, что ж, это не так уж

плохо, что вы пытаетесь достучаться до людей, даже если кто-то сказал вам об этом». Каминари посмотрел на Кацуки и улыбнулся. «Вы тоже были честны в этом. Вы

могли бы просто солгать или назвать расплывчатую причину, а вместо этого вы сказали нам правду».

— Ты действительно не сумасшедший?

— Нет. Многое объясняет». Каминари ухмыльнулся. — Они также сказали тебе не ругаться, не так ли?

Кацуки нахмурился и спросил: «Как, черт возьми, откуда ты это знаешь?»

«Э-э, я не знаю, может быть, это потому, что ты должен остановить себя от ругани на каждом предложении?» Каминари осторожно положил руку ему на плечо.

Кацуки нахмурился, но не оттолкнул его. «Послушай, это странно, и я не знаю, как ко всему этому относиться, но ты явно усердно работаешь, чтобы стать лучше.

Думаю, ну, я не против быть твоим другом. С тобой нелегко общаться, но ты знаешь, как раскачиваться, и то, как ты противостоял этой цыпочке, было потрясающим.

Тебе не нужно платить, чтобы заставить меня тусоваться с тобой. На самом деле, следующий раз за нами».

— Нас? — спросила Минета.

Каминари ударил его локтем в ребра достаточно сильно, чтобы он удвоился. — Да, мы, если только тебе не захочется посидеть за обедом в одиночестве.

Минета нахмурился, потирая ушибленные ребра, и сказал: «Хорошо, следующий на нас. Мне это все еще не нравится, но я думаю, что это нормально».

Каминари сказал: «Давай больше не будем об этом говорить, хорошо? С этого момента мы друзья, вот и все. Договорились, Кацуки-сан?

Каминари протянул руку, ожидая, пока Кацуки возьмет ее. Кацуки не знал, как реагировать на внезапный добрый жест, половина его злилась на слабака, который жалел его, играя роль дружбы ради него, а другая половина была сбита с толку, не понимала, почему Каминари не разозлился, не оттолкнул его за то, что он в

основном использовал его, как сказала Минета. Когда улыбка Каминари дрогнула, Кацуки взял его руку и неловко пожал ее.

— Договорились, — сказал Кацуки сквозь стиснутые зубы.

http://tl.rulate.ru/book/53509/3242715